

ТЕКСТ КАК МУЛЬТИСЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ (ОПЫТ ФОРМАЛИЗАЦИИ) (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.М. ЛОТМАНА)

Сурен Золян

Балтийский федеральный университет, Калининград

Резюме. При обращении к семантике текста необходимо учитывать его сущностное отличие от других единиц языка. В отличие от высказывания, текст не имеет фиксированной прагматосемантики, он не зависит от определенного коммуникативного контекста. При этом текст предполагает семантизацию применительно к множественным областям референции (возможным мирам). Это предполагает описание семантики текста как такого отношения (функции) между множеством возможных миров и множеством возможных контекстов, при котором высказывания-конституенты истинны. Тем самым текст выступает как своеобразный аналог понятия модели или модельной структуры С. Крипке. Это операция, соотносящая пропозиции и возможные миры внутри той модельной структуры, которая формируется самим текстом, а также путем соотношения с возможными контекстами его актуализации. Л. Толстой прекрасно метафорически выразил эту идею: это «бесконечный лабиринт сцеплений». Текст мультисемантичен, и эта метафора показывает, что его семантика не может быть сведена пусть и к весьма сложной линейной структуре. Семантика текста должна пониматься именно как бесконечное множество возможных интерпретаций - межмировых отношений.

Keywords: textual sense and meaning, possible world semantics, multiple reference and interpretation

Творческое наследие Юрия Михайловича Лотмана – это, прежде всего семиотика, культурология, литературоведение. Что касается собственно лингвистики, то здесь необходимо упомянуть его опубликованную в «Вопросах языкознания» статью «О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры» (Лотман, 1963). Сам факт ее публикации в тот период, когда для Юрия Михайловича были практически закрыты иные центральные издания, был прорывом, сделавшим возможными последующие публикации и в значительной степени стимулировавшим развитие структурной лингвистической поэтики (в особенности «поэтики слова» – школы В.П. Григорьева). Однако и в этой статье Ю.М. Лотман не

«посягает» на обсуждение собственно лингвистических проблем, хотя, безусловно, его подход к описанию значения во многом опережал лексикологические представления того времени. Насколько я могу судить, Ю.М. Лотман, прекрасно владея лингвистической проблематикой, тем не менее не считал себя лингвистом, хотя среди его друзей и соавторов были выдающиеся лингвисты, с которыми он мог на равных вести профессиональный разговор. Но сама лингвистика скорее была для него методом и эталоном точности для гуманитарных наук¹⁾. Приведу показательный эпизод – когда в 1976 году я был на стажировке у Юрия Михайловича, то его совет был – как можно меньше читать книг по теории культуры и семиотике и как можно больше – изучать источники. Что же касается теории и методологии, то, по словам Ю.М. Лотмана, то в этой области хороших книг не так уж и много – это всего около десяти-пятнадцати фундаментальных книг по лингвистике. (Нетрудно заметить, что сам Юрий Михайлович этому подходу не следовал – по его работам очевидно, что он прочел куда больше, чем десять-пятнадцать книг).

Ю.М. Лотман и не претендовал на собственно лингвистические изыскания, в лингвистики своего времени ценил скорее точность и строгость, нежели «завиравальные идеи», и крайне критически относясь к разговорам об «ограниченности и недостаточности» структурализма. Тем не менее в своих работах, прежде всего в исследованиях по семиосфере и «самовозрастанию смысла» в процессе коммуникации, он наметил те вопросы, которые стали актуальными для лингвистики следующего поколения. В частности, одним из таких ключевых элементов новой семиотической и тем самым и лингвистической теории) может служить понятие текста как генератора смыслов. Поэтическая семантика стала основой для нового подхода к тексту, и теория текста в данном случае строилась не на «минимуме условий», а на их «максимуме» (как предлагал в свое время Ю.Н. Тынянов), – именно «минимальные условия» следует рассматривать как частный (если не вырожденный) случай. Рассматривая функционирование текста в социо-культурном контексте, – и это на тот момент значительно опережало лингвистику текста – Ю.М. Лотман выделял прежде всего его надлингвистическую семантику. Поэтому в своих ранних статьях о тексте он даже счел нужным отграничить текст как феномен культуры от феномена лингвистического²⁾, хотя достаточно быстро отказался от этого – признав и за лингвистическим пониманием текста пусть и меньшую, но принципиальную множественность кодирующих механизмов как минимум – двух).³⁾

Вместе с тем заметим, что предлагаемый нами подход не есть иллюстрация (или формализация) предложенной Ю.М. Лотманом теории текста. Идеи Ю.М. Лотмана послужили для нас скорее ориентиром для формулирования такой общей лингвистической теории, в которой текст рассматривается как мультисемантический объект. Предлагаемая формализация с использованием аппарата модальной семантики служит для экспликации основных положений подобной теории текста и их последующего развития и расширения.

Говоря о необходимости основываться на лингвистической теории текста, напомним: неоднократно обращаясь к понятию текста, Ю.М. Лотман неизменно подчеркивал его динамическую природу, его смыслопорождающий потенциал и семиотическую разнородность/поливалентность. Тогда это звучало как полемика с современной ему лингвистикой текста, игнорирующей его содержательные и функциональные аспекты. Теперь же ситуация – особенно в некоторых версиях дискурс-анализа – разительно изменилась. Последующие исследования смогли лишь частично стать развитием этих идей, поскольку вольно или невольно упускали из виду крайне важный для Ю.М. Лотмана компонент – структурированность текста. Предусмотренные самим Ю.М. Лотманом механизмы интертекстуализации, контекстуализации или же деконструкции в их современной трактовке по сути растворяют текст как структурный и смысловой объект в бесконечном и аморфном семиозисе, а дискурс-анализ либо разбивает текст на составляющие его компоненты даже не пытаясь затем собрать его воедино, либо вовсе отказывается от лингвистического субстрата, в том числе и от понятия текста. Между тем, нетрудно убедиться, что неограниченная семиотическая разнородность текста мыслилась Ю.М. Лотманом как всякий раз достигаемое динамическое равновесие между различными текст-структурами: «Текст есть момент равновесия между тенденцией функционального распадаения его на два или несколько текстов и полной унификации как внутренне однородного» (Лотман, 1982: 4). Действительно, если не учитывать создающие указанную «однородность» факторы внутритекстовой организации текста, при абсолютизации того или иного аспекта текстовой организации – напр., интертекстуального или контекстуального – становится ненужным само понятие текста – поскольку он перестает существовать как структурная единица. Напр., известная самостоятельность или самодостаточность суб-текстовых структур позволяет роману «Анна Каренина» функционировать, но уже в ином статусе – не как собственно роман Толстого, а как набор цитат-интертекстов, или же как одна из составляющих Петербургского мифа (дискурса) и т.д.

Не отказывая в значимости экстра- и интертекстуальным факторам, мы предложили такую формализацию понятия текста и его семантики, которая моделировала бы его семиотическую (семантическую) многозначность и разнородность. В данном случае мы затронем только один, но наиболее существенный для функционирования текста аспект – его множественную референциальную семантику. Говоря о семантике текста, следует учитывать ее принципиальное отличие от семантики других единиц языка, что делает неверным его рассмотрение как определенную композицию предложений. Во-первых, в отличие от высказывания, текст не имеет фиксированной прагматической семантики – привязанности к определенному коммуникативному контексту: в принципе возможен любой и ни один не является необходимым. Во-вторых, как еще в 1968 г. было замечено Ю.М. Лотманом и А.М. Пятигорским, это отсутствие у текста ис-

тинностного значения – по крайней мере в том понимании, которое, начиная с Фреге, прилагается к предложению - и в то же время восприятие текста как (необходимо?) истинного⁴⁾. В третьих, как уже было сказано, это многозначность, принципиально отличная от многозначности предложения/высказывания: она определяется не возможностью различных интерпретаций, а вновь вспоминаемая Ю.М. Лотмана, сам текст выступает как «генератор смыслов». При этом текст подлежит семантизации, предполагающей соотнесение с областями референции (относительно текста правомочен вопрос – «о чем этот текст»). Это предполагает описание текста как бинарного отношения (функции, механизма соотнесения), соотносящего множество возможных миров с множеством возможных контекстов, причем таких миров и контекстов, при которых значение составляющих текст высказываний будет принимать значение «истинно». Тем самым текст выступает как своеобразный аналог понятия модели в логике.

Это позволяет уточнить приведенный тезис Лотмана – Пятигорского: текст, понимаемый как смыслопорождающий механизм, не может быть истинным или ложным, другое дело, что порождаемые этим механизмом бинарные формулы («мир – контекст») по определению принимают значения «истинно». Безусловно, здесь необходимо ввести разграничение между смыслом текста – это и есть генератор, или схема создания новых смысловых структур, и тем, что порождает этот генератор: это возможные значения текста, такие области референции, при которых текст, соотносясь с определенными контекстами, принимает значение «истинно». Как область референции (интерпретации), задается не один мир, а их система – отражающиеся друг в друге и искажающие друг друга зеркала, и описанием такой реальности оказывается не одно из них, а именно их совокупность, то есть система, в логике и лингвистике называемая модальной семантикой, или семантикой возможных миров. Тем самым текст предстает как такая языковая структура, которая сама по себе не имеет ни фиксированной референции, ни фиксированного контекста, но которая в то же самое время задает такое отношение между возможными контекстами и областями референции (мирами), при котором текст не может принимать значение «быть ложным». Это значит, что определяемые данным текстом различные возможные миры и контексты соотносимы между собой таким образом, чтобы определенному множеству миров соответствовали только такие контексты, в которых текст и составляющие его языковые единицы осмысленны и не являются ложными (они могут быть не только истинными, но и возможно истинными или же неопределенными). В противном случае, следуя подходу Лотмана-Пятигорского, эта языковая структура перестает функционировать как текст, становясь набором предложений. Формализацией подобного понимания семантики текста могут послужить выработанные в модальной логике понятия модельной структуры и модели (С. Крике).

Идея о принципиальной множественности семантики текста может быть формализована при помощи аппарата модальной семантики, которая приписы-

вает языковым выражениям их значения в различных областях интерпретации (возможных мирах), или моделях. При этом существенно, что между этими мирами существуют различные отношения достижимости, задаваемые т.н. «модельной структурой», которую содержательно можно сравнить с Лотмановским пониманием текста как «генератора» смыслов. Более того – одному и тому же тексту могут быть приписаны различные модельные структуры, соответствующие его различным пониманиям.

В общем виде сказанное можно представить следующим образом. Как мы попытались обосновать ранее (Золян, 1991: 50–66), семантика текста не есть конъюнкция смыслов составляющих текст языковых выражений (предложений). Разграничим собственно языковые выражения $\langle e_1 \dots e_n \rangle$, смыслы этих выражений $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$ и выражаемые языковыми выражениями пропозиции $\langle E_1 \dots E_n \rangle$. Пропозиция E_m понимается как результат соответствующего осмысления (φ_m) данного выражения (e_m) : $(\varphi_m(e_m) \rightarrow E_m)$. Соответственно, под семантикой означаемым) текста мы понимаем не конъюнкцию этих пропозиций, а межмировые отношения, имеющие место между выражаемыми предложениями текста пропозициями $\langle E_1 \dots E_n \rangle$, под означаемым – языковые средства установления межмировых соответствий. При таком понимании смысл текста можно представить как упорядоченную текстовыми операторами-отношениями $\langle t_1 \dots t_n \rangle$ структуру смыслов $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$. Под текстовыми операторами мы понимаем всевозможные формы связи между предложениями и ситуациями, что в то же время есть различные отношения достижимости между мирами. Это могут быть логические и квазилогические – «и»; «если...то», ... или же их нарративные корреляты – «вследствие», «по причине»...; собственно нарративные: «до того... после того», «в это же время»; модальные (рассказ в рассказе, намерение, желаемое, долженствующее и т. д.). Их можно свести к сугубо синтаксическим – дав список возможных связей и связок между предложениями или внутри сложных предложений. Вероятно, однако, что не все из этих операторов могут быть сведены к синтаксическим: это, помимо модальных, такие типы связей, как ассоциативные, метафорические, тезаурусные и т.д.

Смысл текста T_{sense} есть результат текстовых операций над языковыми смыслами, что можно представить как результат операции соединения (конкатенации, проекции, отображения) последовательности текстовых операторов $\langle t_1 \dots t_n \rangle$ и структуры смыслов $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$. Эта операция X приводит к некоторой структуре, «смыслу текста»:

$$\langle t_1 \dots t_n \rangle X \langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle \rightarrow T_{\text{sense}} \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle,$$

или, что тоже самое,

$$T_{\text{sense}} \langle E_1 \dots E_n \rangle \rightarrow \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle,$$

где T_{sense} – обобщенное представление текстовых операторов $\langle t_1 \dots t_n \rangle$, а E^* – результат преобразования текстовыми операторами смыслов предложений текста E , или пропозиции, получаемые в результате сочетания текстовых операторов и смыслов языковых выражений:

$t_1 < \varphi_1(e_1) > \rightarrow E^*_1$ (или, в сокращенном виде: $t_1 < E_1 > \rightarrow E^*_1$, поскольку $\varphi_1(e_1) > \rightarrow E_1$) - это можно понимать как преобразование языкового смысла в текстуальный, причем они могут и совпадать.

Как видим, при таком понимании T_{sense} , смысл текста, будет однозначно соответствовать формирующей его структуре $\langle t_1 \dots t_n \rangle$. Однако между ними существует следующее различие. И $\langle t_1 \dots t_n \rangle$, и T_{sense} требует области определения (спецификации) применительно к некоторой последовательности языковых смыслов $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$. Но при этом $\langle t_1 \dots t_n \rangle$, хоть и может быть манифестирована только посредством некоторого текста, однако может быть рассмотрена и автономно – как абстрактная структура текста, как характеризующая некоторый речевой жанр макро-структура (по Ван-Дейку) или – классический пример – как описывающий структуру волшебной сказки набор функций по В.Я. Проппу). Она существует и вне области определения – как потенциальная схема организации текста, тогда как смысл T_{sense} возникает и существует только в комбинации с языковыми смыслами $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$, которые, в результате наложения множества текстовых операторов на множество языковых смыслов, преобразуются в текстуальные⁵⁾. Одна и та же текст-структура $\langle t_1 \dots t_n \rangle$ может быть приложима к различным языковым смыслам, преобразуя их в текстуальные смыслы, тогда как T_{sense} - уникален, поскольку неотделим от области его определения - множества языковых выражений и их смыслов, образующих некоторый конкретный текст (T_{ext} , или упорядоченное множество языковых выражений $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$). Без заданной структуры текстовых операторов эти же языковые выражения перестанут быть упорядоченными и станут случайным набором предложений то есть перестанут быть текстом). Можно вообразить и противоположный случай: на случайный набор предложений накладывается некоторая структура текстовых операторов, и этот набор предложений начинает функционировать как текст (ср. опыт толкования сновидений, заумь и т.п. случаи). Впрочем, как правило, новая структура операторов накладывается не на случайный набор предложений, а на уже имеющийся («недостаточно правильно или же неправильно понятый») текст. При изменении набора текстовых операторов также будет изменяться и смысл текста T_{sense} – что можно трактовать как изменение правил прочтения (стратегии восприятия) выражений текста. Видимо, $\langle t_1 \dots t_n \rangle$ можно трактовать не только как правила организации (порождения) текста, но и как его интерпретации – набор текстовых операторов $\langle t_1 \dots t_n \rangle$ будет налагаться не только на уже имеющееся множество языковых выражений и их смыслов (T_{ext}), но и на некоторый уже получивший определенное осмысление текст T_{sense} . То есть: на структуру

$$\{ \langle t_1 \dots t_n \rangle X \langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle \}$$

может налагаться некоторый иной набор операторов $\langle t''_1 \dots t''_n \rangle$, что приводит к образованию нового смысла текста (T''_{sense}), который не отменяет предыдущий смысл, а является его «углублением», «усилением», «постижением», «деконструкцией» и т.д. :

$$(\langle t''_1 \dots t''_n \rangle X (\langle t_1 \dots t_n \rangle X < \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle) (T_{\text{sense}} \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle) (T''_{\text{sense}} \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle) (\langle E''_1 \dots E''_n \rangle),$$

Новый набор операторов, налагаемый на уже семантизированный текст (T_{sense}), приводит к появлению структуры: $\{\langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle \mu \langle E''_1 \dots E''_n \rangle\}$, то есть, отображению исходного множества текстуальных пропозиций на новообразованное. Это интерпретация второго уровня, для которой первичная интерпретация $\langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle$ служит означающим, точно так же, как языковые смыслы $\langle \varphi_1 \dots \varphi_n \rangle$ (нулевая интерпретация) служили означающим для интерпретации первого уровня (вспомним в данной связи механизмы коннотации по Ельмслеву или же выработанной московско-тартуской семиотической школой понятие вторичных моделирующих систем). В качестве примера таких разработанных практик наложения новых правил прочтения на уже полученную интерпретацию можно привести процедуру герменевтического круга, средневековую христианскую теорию выделения четырех смыслов, суфийскую традицию, различные версии теории интертекстуальности, теорию Леви-Стросса о прочтении мифа посредством различных семантических кодов, процедуры деконструкции, теорию метанарратива в философии истории и т.д. Предлагаемый подход позволяет применить к семантике текста принятое разграничение между смыслом и значением: понимая под смыслом функцию соотнесения языкового выражения с некоторым объектом. Содержательно это можно понимать как описание того, каким образом от смысловой интерпретации выражений текста, при которой с выражениями соотносятся смысловые структуры, мы переходим к их предметной (объектной) интерпретации – соотнося смыслы с объектами-мирами. Поскольку предлагаемое решение основывается на идее межмировой достижимости, то было естественным обратиться к ее классическому источнику – понятиям модельной структуры и модели С. Крипке. Чтобы не связывать себя какими-либо дополнительными условиями, в качестве области определения (интерпретации) смысла текста введем некоторый неупорядоченный универсум миров (V). Из этого универсума смысл текста $T_{\text{sense}} \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle$ выделяет некоторое множество совместимых между собой (достижимых друг из друга) миров текста.

Значение текста задается функцией :

$$\begin{aligned} & T_{\text{sense}} \\ V & \xrightarrow{\quad} T_{\text{meaning}}; \text{ или, в развернутой форме:} \\ T_{\text{sense}} & ; \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle ; V \rightarrow T_{\text{meaning}} ; \{W_0 ; \{W\} ; R\}, \end{aligned}$$

где $\{\{W_0 ; \{W\} ; R\}\}$ есть модельная структура по С. Крипке (Крипке, 1981)⁶: $\{W\}$ – некоторое множество возможных миров (в данном случае это множество можно интерпретировать как множество всех миров, соответствующих предложениям данного текста), W_0 – входящий в это множество некоторый отмеченный

мир⁷⁾, и R – заданное на множестве отношение достижимости. Содержательно это означает, что из некоторого универсума возможных миров выбирается некоторый «отмеченный» мир (мир текста?) и множество достижимых из него миров. Смысл текста есть функция, которая, сопоставляясь с предметной областью – неупорядоченным множеством миров универсумом), выделяет в этом универсуме $\{V\}$ некоторую структуру миров или модельную структуру. Модельная структура – это множество связанных некоторыми отношениями достижимости миров, или – что то же самое – некоторый мир и заданные на нем отношения перехода к другим мирам. Обе содержательные интерпретации приведенной функции соответствуют принятому нами определению текста как такого семиотического объекта, означаемым которого являются межмировые отношения, имеющие место между выражаемыми предложениями текста пропозициями, а означающим – языковые средства установления этих межмировых соответствий.

Введя модельную структуру C . Крипке, нам следует использовать и неотделимое от нее понятие модели⁸⁾ – т. е. заданной на модельной структуре бинарной функции $f(E, W)$, где E – пропозиция (смысл предложения), W – мир из множества $\{W\}$, а областью значения функции будет истинностное значение $\{T, F\}$ данной пропозиции в рассматриваемом мире. Тем самым данная пропозиция E из множества описывающих некоторый мир пропозиций $\langle E_1 \dots E_n \rangle$ выделит то входящее во множество возможных миров $\{W_1 \dots W_n\}$ подмножество $\{W_x\}$, в которых имеет место соответствующее E состояние дел, или – в каких мирах соответствующие некоторому отдельно взятому предложению пропозиции имеют место, в каких – нет. Содержательно это может пониматься как некоторый способ определить относительно некоторой пропозиции, имеет ли место в тех или иных мирах текста или же не имеет соответствующее положение дел. В наших терминах, поскольку мы исходим из языковых выражений, это то множество миров, относительно которых соответствующее рассматриваемому выражению предложение осмысленно и определены условия его истинности. Тем самым пропозиция оценивается не относительно универсума миров, как это происходит в случае изолированного предложения, а внутри уже определенной модельной структуры, то есть тех миров, которые входят в множество $\{W\}$ и, согласно вышеприведенному определению, которые составляют значение текста. Конструирование той или иной модельной структуры в содержательном аспекте – это и есть то или иное понимание текста (или та или иная интерпретация текста), которая позволяет оценить, какие миры, соответствующие тем или иным отдельным предложениям и в каком отношении совместимы между собой и какие – нет. Тем самым возможно описать, какие состояния дел (возможные миры) возможны относительно данного текста. Напр., в каком отношении миры последующих предложений достижимы из миров предыдущих.

Введение понятия модели, хотя и в некотором отношении частично дублирует описанные ранее понятия смысла и значения, тем не менее не является

излишним, поскольку позволяет прояснить, как связаны между собой понятия модельной структуры текста, с одной стороны, и его семантики смысла и значения. Смысл текста мы рассматривали как некоторую функцию соотнесения между пропозициями текста и некоторым упорядоченным множеством возможных миров – модельной структурой:

$$T_{\text{sense}}; \langle E^*_1 \dots E^*_n \rangle; V \rightarrow T_{\text{meaning}}; \{W_0; \{W\}; R\}.$$

Понятие модели $f(E, W)$ формализует то же отношение, но в обратном направлении: ее можно представить как обратную функцию от смысла текста (множества пропозиций) и множества миров к значению отдельной пропозиции в том или ином отдельно рассматриваемом мире. Смысл текста формируется из отдельных пропозиций и приводит к модельной структуре, задающей отношения между этими пропозициями. Напротив, модель приписывает истинностное значение отдельной пропозиции в том или ином из миров, притом не в любом мире из универсума $\{V\}$, а лишь в мирах модельной структуры, которая сформирована семантикой текста. Областью определения (интерпретации) модели (функции приписывания истинностного значения) является то, что мы определили как значение текста (это и есть модельная структура: $T_{\text{meaning}}; \{W_0; \{W\}; R\}$). Иными словами, модельная структура задает отношение между мирами, а модель приписывает истинностное значение отдельной пропозиции в том или ином мире из этого множества миров. Модельная структура есть множество некоторым образом соотнесенных между собой пропозиций, а модель есть функция, определяющая истинность или ложность отдельной пропозиции в мирах модельной структуры. Тем самым эксплицируется то фундаментальное положение, что сам текст не имеет истинностного значения, но его семантика есть функция (процедура, набор операций, условия истинности), позволяющая установить относительно каждого предложения его истинностное значение. Само по себе значение текста не истинно и не ложно, это модельная структура, в которой посредством модели можно установить истинность или ложность отдельных пропозиций в тех или иных соотнесенных между собой посредством заданных модальных отношений мирах (мирах модельной структуры). Например, сама трагедия «Гамлет» не является истинной или ложной, но составляющие ее пропозиции могут иметь истинностное значение в различных связанных отношением достижимости возможных мирах. Например, пропозиция «Гамлет убил на дуэли Лаэрта» имеет место не только в мире трагедии, но также и в актуальном мире хотя бы в том тривиальном смысле, что трагедия «Гамлет» – часть актуального мира, в котором Шекспир вообразил и описал некоторый мир, и в этом мире, также достижимом из актуального мира, имеет место, что Гамлет убил на дуэли Лаэрта. Тем самым эта пропозиция должна быть оценена ни как ложная (в том тривиальном смысле, что в реальной истории мы не имеем этому никаких подтверждений), и ни как не подлежащая подобному оцениванию (как это предполагал Фреге⁹⁾) – она истинна в достижимом из актуального возможном мире, что также является тривиальным отношением, поскольку описывается языковыми выражениями самой трагедии «Гамлет».

И если у кого-либо, кто принадлежит к европейской культуре и тем самым знаком с трагедией, спросить: «Правда ли, что Гамлет убил Лаэрта на дуэли» – ответ будет «Да». «Гамлет» – это один из миров, составляющих наш актуальный мир, и знание о нем является обязательным, составляя часть знаний читателя об актуальном мире, а не только о литературных мирах. Все, что истинно в актуальном мире, истинно и в мире романа. Но это отношение несимметрично – почему и не все, что истинно в романе, истинно в актуальном мире. Какие именно из пропозиций романа или следствия из них мы будем считать истинными и какие нет («какие чувства и мысли они у нас возбуждают» – Б. Рассел) – это и есть часть реальности, даже если и вслед за Б. Расселом отрицать реальность литературных миров¹⁰.

Приведенное понятие модели для определения истинностного значения текста позволяет еще раз подтвердить тот тезис, что семантика текста не есть конъюнкция (или какая-либо иная логическая форма) предложений (пропозиций), аналогичная сложному предложению. Столь же неверным было бы свести семантику текста к некоторой макро-пропозиции и оценивать ее истинностное значение. И то и другое есть экстраполяция процедуры, предложенной Г. Фреге для оценки истинностного значения сложных предложений исходя из оценки составляющих ее простых предложений (принцип композиционности). Однако, как было показано выше, неверно подходить к тексту как к «очень сложному предложению». Оказываются адекватнее понятия модели и модельной структуры, поскольку значением (истинностным значением) явится не однозначное «да» – «нет», а функция, то есть процедура соотнесения пропозиций и миров в рамках той модельной структуры, которую формирует сам текст и в соотнесенности с теми контекстами, в которых он актуализируется. Ведь если сама модельная структура не может иметь истинностного значения, то она предполагает наличие подобного значения относительно формирующих ее пропозиций. Поэтому требуется описать не только отношение между мирами, но и описание состояния дел в этих мирах, т.е. от общей картины (текста как системы межмировых соотношений) требуется вновь вернуться к сегментам – к описывающим миры текста предложениям, и тем самым выделить те или иные модели в соответствии с модельной структурой. Так, если мы рассматриваем мир романа «Анна Каренина» как возможный относительно актуального мира, то каждое высказывание, истинное в мире романа (или о мире романа), возможно истинно в актуальном мире. Но вполне мотивированно и наше желание уточнить – какие из этих возможно истинных предложений не только возможно истинны, но и истинны в нашем актуальном мире. По крайней мере, все те предложения, которые описывают Москву и Санкт-Петербург того времени, истинны и в мире романа, и в мирах российской истории. Одновременно истинны в обоих мирах будут и те пропозиции, которые Джон Серль назвал «серьезными речевыми актами» («серьезными высказываниями»), выводимыми из несерьезных («имитирующих») речевых актов¹¹. Более того, сам роман есть модельная структура, которая предполагает и множество других межмировых отношений,

кроме как наиболее очевидное отношение «мир текста – актуальный мир». Дж. Серль сформулировал пусть и верное, но лишь самое поверхностное семантическое отношение. Примечательно, что сам Лев Толстой, как бы откликаясь на подобные представления, предложил оставить поверхностные импликации «фельетонистам», и, как нам кажется, под семантикой романа «Анна Каренина» понимал нечто близкое к понятию модельной структуры. Эту идею Толстой выразил посредством прекрасной метафоры, предвосхищающую и Крипке, и Борхеса: «бесконечный лабиринт сцеплений»¹²⁾. Как мы попытались представить выше, значение текста в высшей степени многозначно, и Толстовская метафора подтверждает, что семантика романа не может быть сведена к какой-либо пусть даже очень сложной линейной структуре, а должна пониматься как бесконечное (или неограниченное) множество комбинаций возможных соотношений между различными множествами возможных миров – именно как «лабиринт» всех возможных «сцеплений» (или маршрутов межмировых «путешествий»). При таком подходе оказывается несущественен выбор того или иного мира в качестве «исходного» (какого-либо из миров, принимаемого нами за «отмеченный»), существенна именно соотносительность между мирами. Вместе с тем метафора лабиринта важна и тем, что содержит концепт «целостности» – все возможные сцепления не выходят за пределы некоторого структурированного пространства и не разрушают его¹³⁾.

Так мы подходим к тому, каким образом понятие модельной структуры может быть использованным также и при формализации того, что можно считать пониманием (интерпретацией) текста. Понять текст – приписать ему определенную модельную структуру (или, в более традиционных терминах – выявить, эксплицировать эту структуру, считая что она уже заложена в тексте). При таком подходе одному и тому же тексту могут быть приписаны различные модельные структуры, соответствующие его различным пониманиям. Но при этом возможно очертить те пределы, в которых могут различаться различные понимания одного и того же текста, для чего сначала необходимо выделить множество миров и множество предложений, совместно истинных или ложных при всех интерпретациях. Так, введенное понятие модели может быть специфицировано как исходный *мир-модель* – это тот соответствующий некоторому предложению мир, при котором оно оценивается как истинное – при любом контексте и интерпретации, определенном для данного текста (это нечто вроде аналога понятия *выполнимости* в логической семантике). С одной стороны, мы в состоянии оценить при любых интерпретациях романа «Анна Каренина» истинностное значение таких предложений, как:

Анна Каренина покончила самоубийством;

Анна Каренина бросилась под поезд;

Анна Каренина застрелилась,

которые есть описания некоторых фактов, содержащихся или отсутствующих в романе.

Также могут рассматриваться как миры-модели для данного текста такие описания, которые, хотя и не содержатся непосредственно в тексте, возникают в результате тривиальных перифраз выражений текста :

Неверно, что Анна Каренина застрелилась;

Анна Каренина была несчастна в браке с Карениным, – и т.д.

И те, и другие миры-модели определяют то множество миров, которые в той или иной форме будут репрезентированы при любой интерпретации данного текста. Это множество можно определить также как множество совместимых миров, которое описывается совместно истинными предложениями. Тем самым выполняется требование непротиворечивости для миров-моделей. Однако это вряд ли стоит считать обязательным условием в случае художественных текстов (так, тексту могут соответствовать множество не только возможных, но и «невозможных возможных миров») (Cresswell, 1983).

При этом это множество не будет полным. Так, ни в одном из миров не будет определенным то, четно или нечетно количество волос на голове Вронского то есть мы не в состоянии определить их истинностного значения. Возможно, подобные перифразы-предложения в точном соответствии с теорией истинности следует считать бессмысленными: иллюзия того, что они обладают смыслом, обусловлена тем, что они обладают языковым смыслом и условия истинности определены применительно к языковым смыслам. Однако применительно к роману они в самом деле непонятны – мы не в состоянии предложить какую-либо процедуру, позволяющую вывести из текста подобную перифразу относительно четности или нечетности волос на голове Вронского. Более того – неясен сам смысл подобной процедуры – четность или нечетность будет единственным отличием между мирами этой модельной структуры, а во всем остальном миры, где это число четно, будут такими же, где это число будет нечетным, – стало быть, этот признак не влечет никаких значимых содержательных последствий. Точно также не будут представлять интерес миры, ложные в любом из миров модельной структуры, напр: *Анна Каренина улетела в космос; Анна Каренина стала жертвой террористов*. Описывающие эти вышеупомянутые миры пропозиции либо тривиально истинны, либо тривиально ложны, либо бессмысленны.

При задании модельной структуры в подавляющем большинстве случаев может оказаться существенным определить – что представляет тот мир W_0 , относительно которого строится вся модельная структура и, опосредованным образом, модель. У С. Крипке – это «реальный» мир (хотя данное им определение, допускает, что место W_0 может заступить любой мир из множества $\{W\}$). Дальнейшие исследователи отказываются от такого «реализма» – почему мы и предпочитаем термин «исходный мир» или же, в силу разных причин «отмеченный» мир, хотя, безусловно, если отвлечься от случаев поэтической семантики, текст, как правило, претендует на описание именно реального мира. В нашем случае, поскольку нас миры интересуют постольку, поскольку они рассматриваются как семантика

текста, можно за отмеченный мир W_0 принять мир, конструируемый языковыми выражениями текста, – как результат некоторой семантизации текста. Это то, что можно назвать «миром текста», безотносительно к тому, описывает текст реальный мир или же воображаемый. Однако заметим, что и «реальный мир» конструируется через мир текста. Даже если это текст – историческая хроника или протокол о вчерашнем визите президента соседнего государства в нашу страну – он соотносится с актуальным миром только посредством семантики текста, то есть через модельную структуру, где конструируемый лингвистическими средствами мир текста соотнесен с входящим во множество достижимых из него миров, в том числе и с актуальным миром.

Благодаря предложенной выше процедуре можно выделить миры, соответствующие данному тексту – это будет множество миров, описываемых пропозициями, истинных относительно любого из миров данного текста и выражающих их предложений. В принятых в лингвистике и литературоведении терминах – это скорее пересказ, нежели интерпретация текста. Это позволяет сузить вышеприведенное определение модели – она задано только относительно тех пропозиций E , которые выражаются языковыми выражениями данного текста $\{«E»\}$ или же их перифразами. Таковую модель можно считать тривиальной буквальной семантикой текста.

Для некоторых типов текстов обязательным является то, что его семантика исчерпывается его тривиальной семантикой, притом в ряде случаев совпадение семантики текста с семантикой естественнойязыковой интерпретации составляющих его выражений может быть обязательным условием: – это научный текст, полицейский протокол, международные договора, относительно которых Венская конвенция 1969 года специально описывает процедуры их толкования¹⁴, юридические и административные акты и т.п. тексты, предполагающие однозначное понимание. Однако, на наш взгляд, для теории текста куда интереснее случаи несовпадения между тривиальной семантикой текста и возможными осмыслениями (переосмыслениями). Это становится возможным благодаря такому свойству перифразирования, как: а) не все перифразы одного и того же предложения, описывают одно и то же множество миров; в) не все перифразы предложений, описывающие одни и те же миры-модели, имеют одно и то же истинностное значение; и даже с) при перифразировании может измениться пропозициональная семантика (напомним известный пример, когда пропозициональная семантика может измениться уже при синонимическом грамматических преобразованиях: «Каждый мужчина любит некую женщину» значит совсем не то, что: «Некая женщина любима каждым мужчиной»).

Так возможно возникновение новых множеств миров: это миры, не являющиеся мирами-моделями при тривиальной семантизации текста, но при этом выводимые из данного текста и входящие в соответствующую ему модельную структуру. Тем самым возможны пропозиции, которые истинны в некоторых, но не во всех мирах модельной структуры. Так, некоторые пропозиции-перифразы будут истинны при одном прочтении и, напротив, ложны при другом:

напр., *Анна Каренина* – эгоистка; равно как и противоречащие ему: *Анна Каренина* – альтруистка. Оба эти мира достижимы из исходного мира, хотя они и взаимно несовместимы. Но и тот, и другой входят во множество возможных миров романа «Анна Каренина», поскольку, будучи результатом различных семантических операций, несмотря на взаимную несовместимость тем не менее оба возможны относительно того мира, который мы назвали миром текста. Как было предусмотрено ранее, набор текстовых операторов $\langle t_1 \dots t_n \rangle$ можно трактовать не только как правила организации (порождения) текста, но и как его интерпретации – он может налагаться не только на уже имеющееся множество языковых выражений и их смыслов (T_{ext}), но и на некоторый уже получивший определенное осмысление текст (T_{sense}), что создает дополнительные возможности для неограниченной метаязыковой или коннотативной семантизации.

Вместе с тем, как уже было сказано, вопрос того или иного понимания – это установление пределов множества интерпретаций текста. Это может быть осуществлено двумя способами. Первый связан с референцией, второй – с перифразированием. При первом подходе следует предусмотреть возможность описания того, как происходит расширение или сужение множества миров модельной структуры. При подобном описании модельную структуру целесообразно задавать не путем перечисления тех или иных интерпретаций, а посредством указания на предельные случаи – какие из миров оказываются вне модельной структуры, – то есть не будут приемлемой интерпретацией перифразированных языковых выражений текста. Во втором случае акцент переносится на правила перифразирования, и вопрос будет стоять так: до каких пределов перифраза может отдалиться от исходных языковых выражений текста, чтобы считаться неприемлемой. Безусловно, сводить границы возможного перифразирования только к лингвистическим факторам было бы неверным, – так, здесь действуют и механизмы, которые можно назвать цензурой – некоторые лингвистически возможные перифразы отвергаются из-за их несоответствия нашему представлению о возможных толкованиях текста. Например, предлагаемое в свое время А. Крученых «сдвигологическое» прочтение Пушкинского «*что в имени тебе моем*» как: «*что вымени тебе моем*» – будучи фонетически безукоризненным, оно не будет считаться проявлением многозначности и, видимо, будет отвергнуто из-за его несоответствия нашему пониманию поэтики Пушкина. Точно также, останется курьезным примером то, как герой «Мелкого беса» Федора Сологуба предлагает толковать стихи Пушкина: «*На иных уроках Передонов потешал гимназистов нелепыми толкованиями. Читал раз Пушкинские стихи:*

*Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк,
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.*

– *Постойте, – сказал Передонов, – это надо хорошенько понять. Тут аллегория скрывается. Волки попарно ходят: волк с волчихою голодной. Волк*

– сытый, а она – голодная Жена всегда после мужа должна есть. Жена во всем должна подчиняться мужу. Мы исходим из того что наше представление о семантике Пушкинского текста (и о Пушкине как авторе текста) не соответствует тем «следствиям», которые приписывает ему Передонов. Однако интерпретации Крученых и Передонова, пусть и не соответствуют нашим представлениям о поэтике Пушкина, остаются как зафиксированные факты русской культуры, указывая на те границы, далее которых возможные интерпретации отвергаются. Однако это характеристика именно культуры, (и рецепции текстов Пушкина), а не самих текстов¹⁵.

Итак, границы некоторой приписываемой тексту модельной структуры можно определить путем указания на то, какие пропозиции в данной модельной структуре окажутся либо неприемлемыми, либо бессмысленными – это и есть область, лежащая вне миров модельной структуры, и этим пропозициям не будет приписано истинностное значение. Однако такой путь интерпретации текста при теоретической респектабельности достаточно экзотичен – на практике обычно описываются миры, которые входят во множество миров модельной структуры. Ведь очевидно, что на вопросы: – на каком основании из модельной структуры исключаются те или иные миры? каковы критерии внеположности и приемлемости/неприемлемости той или иной интерпретации/перифразы? – вряд ли можно найти универсальный ответ: здесь действует целый ряд разнородных факторов, и в лучшем случае можно будет описать общую зависимость приемлемости/неприемлемости тех или иных интерпретаций и перифраз от контекстуальных, интертекстуальных, когнитивных и лингвистических факторов. Поэтому продуктивнее представляются не накладывать заранее какие-либо ограничения и исходя из этого исключать какие-либо процедуры перифразирования или интерпретации, а напротив, не ограничивать рассмотрение возможных процедур нетривиального перифразирования и, если это оказывается необходимым, фиксировать возможные изменения областей интерпретации (референции), то есть межмировые переходы. Безусловно, должна быть разница между перифразированием текста и фантазированием относительно тех или иных его компонентов. Даже если встать на ту точку зрения, что текст – это лишь стимул для неконтролируемых адресантом непредсказуемых смысловых переходов¹⁶, то и в этом случае ключевым оказывается языковое взаимодействие между адресатами-интерпретаторами и конструируемым в процессе интерпретации адресантом: это взаимодействие, если и не обязательно приводит к консенсусу, то позволяет либо эксплицировать «пределы возможного» («приемлемого»), либо же расширить их.

Безусловно, это вовлекающее ряд разнородных факторов взаимодействие может быть описано с позиций различных гуманитарных дисциплин. С лингвистической точки зрения, на наш взгляд, наиболее существенным явится следующее: Как перифразирование воздействует на границы множества миров? Как связаны лингвистические преобразования и расширение множества миров модельной

структуры? Чему приписать то, что пределы перифразирования могут оказаться столь широкими – приписать ли это а) лингвистическим характеристикам этих выражений, их «совершенству», в) богатству языка текста или же языка интерпретации, или же с) нашему желанию и умению интерпретировать текст и приписывать ему новые области интерпретации/референции, то есть d) изменять язык, изменять языковые правила и даже создавать новые языки.

Очевидно, что чем более богатые возможности предоставляет текст для перифразирования – тем больше потенциал для расширения модельной структуры. Становится очевидным функциональное значение семантической многозначности и недоопределенности для художественного текста (подробнее об этом: (Золян, 1981), (Золян, 1982), (Золян, 1985) – подобные языковые выражения могут допускать куда более богатое («мощное») множество перифраз, тем самым будучи куда более открытым для новых прочтений. Разумеется, не все из этих прочтений будут возможны относительно друг друга, равно как и их возможность не означает, что все они в равной степени приемлемы: в принципе возможно предложить нечто вроде метрического пространства, оценивающего степень удаленности от тривиальной интерпретации.

Тем самым мы вновь приходим к тому, что теория текста должна исходить из того, что значение текста многозначно (неоднозначно). Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста. Любое новое прочтение, пусть даже исключающее прежние, есть расширение модельной структуры на некоторое новое подмножество возможных миров. (Мы понимаем это как открытие уже потенциально существовавшего, но не опознанного мира, а не как сотворение нового за счет разрушения старого – возможно, даже наперекор интенции интерпретатора.) Случаи, когда тексту может быть приписано только одно «правильное» значение, следует рассматривать лишь как частный случай. Поэтому, определив модельную структуру как способ задания условий истинности для функции-модели, следует продолжить и предложить следующее содержательное продолжение: понимание текста не следует ограничивать лишь умением или способностью перифразировать и интерпретировать текст, но и вместе с этим способностью наряду с «собственной» предложить иные возможные интерпретации и перифразы в настоящее время эта способность уже зафиксирована в методике преподавания языка как высший уровень владения навыками чтения). Это предполагает не только а) способность перифразировать и интерпретировать, но и в) осознание собственной системы перифразирования, некоторых правил наложения на текст текстовых операторов, так и с) осознания и владения другими языками (системами операций и операторов) интерпретации и перифразирования¹⁷⁾.

Ориентация на поэтику требует максимального учета внутри-, меж- и внетекстовых механизмов многозначности, что, конечно же, далеко не всегда оказывается релевантным. Однако общая теория, ориентированная на описа-

ние максимума возможностей, как это происходит при ориентации на поэтику, естественно, будет в состоянии описать и более простые случаи, что далеко не очевидно при противоположном подходе - если начинать с простейших и тривиальных случаев и постепенно усложнять теорию. Так, не только поэтические, но и исторические и политические дискурсы требуют соотнесения с различными областями референции (подробнее см. в: (Золян, 2005), (Золян, 2010)), почему и столь продуктивным оказался перенос принципов поэтики на интерпретацию истории (т.н. лингвистический поворот в философии истории, см. Анкерсмит, 2003; Уайт, 2002; Кукарцева, 2006; и антологии: Jenkins, 1997; Roberts, 2001). Но следует учесть и те случаи, когда мы предполагаем за текстом наличие одного единственного правильного значения, или же значения, которое (заведомо) предпочтительнее других. И именно случаи, требующие однозначного толкования, оказываются на деле весьма сложными, требующими целого ряда дополнительных условий: так, для вышеупомянутых юридических текстов должен быть однозначно задан не только язык и контекст, но и институт (орган), имеющий право на толкование. Аналогично, и сакральный текст предполагает сакрализацию не только текста, но и ситуации его толкования. Именно на примере толкования сакральных текстов – разграничении «ортодоксии» от «ереси» – можно показать, что подобная ортодоксия, игнорируя или блокируя возможные контекстуальные и межтекстовые связи, нуждается в особых средствах, в том числе и «принуждения к интерпретации». В духе Ролана Барта можно утверждать, что право на интерпретацию – одно из проявлений власти и один из важнейших инструментов ее (само-) легитимизации. В целом же, отвлекаясь как от экстремальных случаев, можно утверждать, что понимание текста есть результат «ко-оперативных консенсуальных взаимодействий между организмами, то есть язык» У. Матуран, что, в упрощенном варианте, можно описать как результат операций, соответствующих максимам коммуникативного сотрудничества Грайса.

Не следует переносить потенциальную бесконечность толкований текста на практику его осмысления. Если общая теория текста призвана описать семантический потенциал текста «как бесконечный лабиринт сцеплений», то вместе с тем при переходе как к частным случаям, так и к теории толкования текста требуется разумное сужение предоставляемых текстом интерпретационных возможностей. Безусловно, тексту соответствует «бесконечный лабиринт» прочтений, но они не могут быть реализованы одновременно. Поэтому любое прочтение – это не только «открытие» новых, но также и исключение миров, которые при данном прочтении оказываются невозможными или неопределенными (бессмысленными). Возможно, здесь следуют внести некоторые дополнительные условия : например, все те новые миры из миров модельной структуры, которые описываются в результате нетривиального перифразирования, должны быть совместимы или достижимы с тем миром, который был назван нами миром текста, причем понятие текста может пониматься расширительно и включать сопутствующие

тексты (творчество Пушкина как единый текст, толкование духовных гимнов исключительно в контексте Священного Писания и его канонического толкования, вышеупомянутое толкование международных договоров и т.д.).

Исходя из целей практического описания имеет смысл сузить область определения, заданную для вышевведенной модели $f(E, W)$, где E – пропозиция (смысл предложения), а W в качестве аргумента может выступать не любой мир $\{W\}$, соответствующий какому-либо предложению/высказыванию текста, а только отмеченный $\{W_0\}$, – или же – еще более явно вовлекая прагматику – мир контекста, в котором высказывается данная пропозиция. Другие миры, если и будут подлежать рассмотрению, то только опосредованно – через их модальное отношение к W_0 . Так, мы различаем претендующие на описание реального мира высказывания в зависимости от того в каком контексте они высказаны – будь то мир-контекст литературного произведения, мир исторической хроники или же мир, который и мы, и автор данного высказывания принимает как реальный. Напр., высказывание «*Москва – столица России*» должно оцениваться не относительно всех возможных миров, а только того, в котором оно было высказано, и если оно высказано в актуальном мире, мы оцениваем его только относительно синхронизированного со временем высказывания актуального мира и не входим рассмотрение ситуаций, отличных от ситуаций. Равно как и «*Санкт-Петербург – столица России*» будет оцениваться относительно романа «*Анна Каренина*» или же всех тех текстов, которые были написаны или же описывают тот период, когда Санкт-Петербург был столицей России, в том числе и написанные в наше время учебники истории или исторические романы. Таким образом, можно, основываясь на идее Д.Льюиза (Lewis, 1983) принять за отмеченный мир тот мир-контекст, в котором данная пропозиция высказывается как истинная (например, высказывается ли она в нашем мире или в мире романа). В зависимости от смены контекста будет меняться и модельная структура. Так намечается путь к определению значения текста как такой модельной структуры, которая определяется как композиция смысла текста (возможные миры текста) и тех возможных миров-контекстов, при которых высказываются составляющие текст предложения.

В частном случае можно потребовать, чтобы данная пропозиция была бы выражена в самом тексте либо в форме соответствующего высказывания, либо же хотя бы как следствие (пресуппозиция, импликатура, перифраза), выводимое из высказываний текста. Это значит, что модель-функция определит, отражает или нет данное высказывание тот мир, в котором он высказывается (воспроизводится) – это миры тексты, или же те миры, в которых адресантом текста актуализируются, то есть в новом контексте высказываются составляющие текст предложения. Например, в романе «*Анна Каренина*» пропозиция «*Москва – столица России*» не высказывается ни одним из персонажей, ее нет в тексте и она не может считаться наличествующей в тексте хотя бы как одна из пресуппозиций. Поэтому, будучи истинной для сегодняшнего читате-

ля, она будет ложной, хотя и логически возможна относительно мира текста романа, и не имеет смысла вовлекать в рассмотрение все те возможные миры, в которых она истинна. Аналогично, не имеет смысла вовлекать в рассмотрение все ложные на сегодняшний день, но возможные пропозиции относительно столицы России за исключением единственной «*Санкт-Петербург – столица России*»¹⁸⁾, поскольку только она оказывается истинной в мире романа. Таким образом, в модельной структуре романа будут представлены всего лишь две модели: множество миров, в которых *Москва – столица России* и которые характеризуют мире-контекст сегодняшнего читателя (т.е. контекст актуализации романа читателем), и все остальные возможные миры, в которых *Санкт-Петербург – столица России*, будь то миры-контексты самого романа и его персонажей, авторский мир-контекст высказывания (написания) романа, а также миры толкований романа. Поэтому имя «*Петербург*» в таком случае может быть интерпретировано только относительно второго множества миров (аналогично, как и имя «*Москва*» – в данном случае оно будет семантизироваться как «не-столица»). Безусловно, это путь принятой практики толкования, хотя теоретически возможен и, говоря словами Борхеса, «прием нарочитого анахронизма» – попытаемся прочесть роман глазами читателя, не знающего, что в XIX веке Москва не была столицей.

Предложенное решение носит общий характер, и, конечно же, требует ряда уточнений. В первую очередь, следует учесть возможность изменения межмировых отношений при переходе от одного сегмента текста к другому. Во-вторых, очевидно, что текст организуется не одним отношением достижимости, а их комплексом. И, наконец, что считать «отмеченным» миром? Наиболее очевидное – это тот мир-контекст, в котором высказывается данный текст. Но это лишь одно из решений. Хотя для текста можно предложить различные модельные структуры, и в каждой из них могут быть отличающиеся от друга отмеченные миры, но для каждой из модельных структур это может быть только один мир. Конечно, теоретически заманчиво заявить, что, подобно тому, как любая точка во Вселенной может считаться центром вселенной, точно также любой мир, соответствующий хотя бы одному предложению текста, может считаться отмеченным, однако на практике мы привыкли исходить из того, что центр вселенной – это «наш» социум. Не претендуя на общее решение, можно привести несколько наиболее приемлемых альтернатив – мир «финального» предложения? базисный мир, характеризующий текст как производное от него предложение? мир-следствие всех предложений текста? мир, достижимый из любого предложения текста? мир, из которого достижимо любое предложение текста? Каждый из этих вопросов подводит к основаниям некоторой новой теории текста, вариации которой, вероятно, будут отличаться друг от друга.

БЕЛЕЖКИ

1. «Литературовед нового типа — это исследователь, которому необходимо соединить широкое владение самостоятельно добытым эмпирическим материалом с навыками дедуктивного мышления, вырабатываемого точными науками. Он должен быть лингвистом (поскольку в настоящее время языкознание «вырвалось вперед» среди гуманитарных наук и именно здесь зачастую вырабатываются методы общенаучного характера), владеть навыками работы с другими моделирующими системами <...> Он должен приучить себя к сотрудничеству с математикой, а в идеале — совместить в себе литературоведа, лингвиста и математика» (Лотман, 1967: 100).
2. «Понятие текста — в том значении, которое придается ему при изучении культуры, — отличается от соответствующего лингвистического понятия. Исходным для культурологического понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст. Вследствие этого вся масса циркулирующих в коллективе языковых сообщений воспринимается как не-тексты, на фоне которых выделяется группа текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры, выраженности» (Лотман & Пятигорский, 1968: 75).
3. «Определение текста, даваемое в плане семиотики культуры, лишь на первый взгляд противоречит принятому в лингвистике, ибо и там текст фактически закодирован дважды: на естественном языке и на метаязыке грамматического описания данного естественного языка. Сообщение, удовлетворяющее лишь первому требованию, в качестве текста не рассматривалось» (Лотман, 1981: 4)
4. С «В той сфере, в которой данное высказывание выступает как текст (стихотворение не выступает как текст при определении научной, религиозной или правовой позиции коллектива и выступает как текст в сфере искусства), ему приписывается значение истинности. ...Ложный текст – такое же противоречие в терминах, как ложная клятва, молитва, лживый закон. Это не текст, а разрушение текста. . . .» (Лотман & Пятигорский, 1968: 77–78). Добавим, что следует разграничить понятие «ложного» текста от «неправильного». «Неправильный» («неприемлемый») текст, в отличие от неправильного высказывания – это, видимо, не столько ложный текст и вовсе не «неправильно построенный текст», сколько текст, не функционирующий как «истинный», тогда как ложность и правильность предложения/высказывания – принципиально отличные аспекты (семантические характеристики могут быть предопределены структурными только в формальных языках). Говоря о «истинности»–«ложности» текста, видимо следует оговорить, что в той трактовке, которое предлагалось Ю.М. Лотманом и А.М. Пятигорским, это не столько семантическое, сколько прагматическое отношение, касающееся адекватного функционирования текста в определенном социо-культурном контексте. Но при этом сама прагматическая

«адекватность»/«неадекватность» текста оказывается в зависимости от механизмов семантизации (ср., к примеру, официальные и диссидентские толкования Конституции СССР в 80-ые годы).

5. «Ведь в отличие от грамоты музыкальной, от нотного письма, например, поэтическое письмо зиет отсутствием множества знаков, значков, указателей, подразумеваемых, делающих текст понятным и закономерным. На все эти пропущенные знаки не менее точны, нежели нотные или иероглифы танца; поэтически грамотный читатель расставляет их от себя, как бы извлекая их из самого текста». – (Мандельштам, 1928: 46). Безусловно, это верно не только относительно «поэтического» письма.
6. Приведем полное определение: «Для формулировки семантики модальной логики мы вводим понятие (нормальной) *модельной структуры*. Модельная структура есть упорядоченная тройка элементов (G, K, R) , в которой K есть некоторое множество, R - рефлексивное отношение на K , $G - K$. Интуитивно это можно понимать следующим образом: K есть множество всех «возможных миров», G представляет «реальный мир». Если H_1 и H_2 являются двумя мирами, то $H_1 R H_2$ интуитивно означает, что H_1 возможен относительно H_2 , и каждое суждение, истинное в H_1 , возможно в H_2 . При этом становится ясным, что отношение R должно быть рефлексивным; каждый мир H возможен относительно самого себя, так как каждое суждение, истинное в H , а fortiori возможно в H . Таким образом, требование рефлексивности для R является интуитивно-естественным. Мы можем наложить на R дополнительные требования, соответствующие различным «аксиомам редукции» модальной логики: если R транзитивно, мы называем (G, K, R) S_4 -модельной структурой, если симметрично, (G, K, R) является *Брауэров* модельной структурой, если R является отношением эквивалентности, мы называем (G, K, R) S_5 -модельной структурой...(Крипке, 1981: 28-29).
7. Сам Крипке употребляет термин «реальный» – используя кавычки, что, вероятно, верно для большинства текстов. Однако далеко не для всех – и не только художественных, но и для юридических, политических и др., и поэтому мы предпочитаем менее обязывающий термин – не «реальный» , а «отмеченный» по тем или иным причинам мир.
8. «Для полноты картины нам нужно понятие *модели*. Если дана некоторая модельная структура (G, K, R) , то *модель* приписывает каждой атомарной формуле (пропозициональной переменной) P истинностное значение T или F в каждом мире $H - K$. Говоря формально, модель f на модельной структуре (G, K, R) есть бинарная функция f , где P пробегает по атомарным формулам, H - по элементам K , а областью значений этой функции является множество $\{T, F\}$ » (Крипке 1981: 28–29).
9. «Почему же мы хотим, чтобы каждое имя собственное имело не только смысл, но и значение? Почему нам недостаточно мысли? Потому и лишь потому, что нас интересует ее истинностное значение. Правда, это случается далеко не всегда. Например, когда мы слушаем эпос, нас волнуют, наряду с красотой языка, только смысл предложений и вызываемые ими

представления и чувства. Вопрос об истинности этих предложений увел бы нас из сферы художественного восприятия в сферу научных исследований. Вот почему нам безразлично имеет ли, например, имя «Одиссей» денотат или нет» (Фреге, 1977: 190).

10. «...утверждать, что существование Гамлета в некотором мире, скажем, в воображении Шекспира, столь же реально, как существование Наполеона в обыкновенном мире, – значит, намеренно вводить в заблуждение других или же самому впадать в неслыханное заблуждение. Существует только один мир – мир «реальности»: фантазии Шекспира являются составной частью этого мира, и те мысли, которые были у него в то время, когда он сочинял «Гамлета», вполне реальны. Столь же реальны и мысли, возникающие у нас при чтении пьесы. Специфика художественной литературы в том и состоит, что только мысли, чувства и т.п. Шекспира и его читателей реальны; к ним не может быть добавлен «объективный» Гамлет. Реальный Наполеон не сводится к эмоциям, возбужденным им у авторов исторических произведений и у их читателей, но Гамлет исчерпывается этими мыслями и эмоциями» (Рассел, 1983: 43–44).
11. «Иногда автор художественного повествования вставляет в повествование высказывания, которые не основаны на вымысле и не являются частью повествования. Возьмем самый известный пример: Толстой начинает «Анну Каренину» предложением: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему». Это, я считаю, не основанное на вымысле, а сделанное всерьез высказывание. Это подлинное утверждение. Оно является составной частью романа, но не принимает участия в художественном повествовании. ...Осуществляемые всерьез (то есть, нехудожественные) речевые акты могут быть переданы посредством художественных текстов, даже если передаваемый речевой акт не представлен в тексте. Почти любое значительное художественное произведение передает «сообщение» или «сообщения», передаваемые *посредством* текста, но не присутствующие в *самом* тексте. Только в детских рассказах, содержащих заключительное «Мораль этой истории такова...», или у таких утомительно дидактических авторов, как Толстой, мы получаем эксплицитное представление осуществленных всерьез речевых актов, передать которые является целью (или главной целью) художественного текста. Литературные критики объясняют, исходя из возникших *ad hoc* и связанных исключительно с данным произведением соображений, каким образом автор передает серьезный речевой акт при помощи притворных речевых актов, составляющих художественное произведение, но пока еще нет общей теории механизмов, посредством которых подобные серьезные иллюкутивные намерения передаются притворными иллюкуциями» (Серль, 1999: 46–47).
12. Это часто цитируемое сочетание стоит привести в контексте всего письма Толстого, чтобы увидеть, насколько связаны для него многозначность и вместе с тем предельная структурированность текста, не допускающая

какой-либо иной формы выражения, кроме как сам роман: «Вы пишете: так ли вы понимаете мой роман, и что я думаю о ваших суждениях. Разумеется, так. Разумеется, мне невыразимо радостно ваше понимание; но не все обязаны понимать, как вы. Это я к тому говорю, что ваше суждение о моем романе верно, но не все – то есть все верно, но то, что вы высказали, выражает не все, что я хотел сказать. Например, вы говорите о двух сортах людей. Это я всегда чувствую – знаю, но этого я не имел в виду. Но когда вы говорите, я знаю, что это одна из правд, которую можно сказать. Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения... Так вот почему такая милая умница, как Григорьев, мало интересен для меня. Правда, что если бы не было совсем критики, то тогда бы Григорьев и вы, понимающие искусство, были бы излишни. Теперь же, правда, что когда $\frac{9}{10}$ всего печатного есть критика, то для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений. И если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, что я хочу сказать, то я их поздравляю и смело могу уверить qu'ils en savent plus long que moi («Что они знают об этом больше меня» (*фр.*) – С.3». (Толстой, 1876: 784–785).

13. «Художественное произведение рассматривается как единое-целостная форма, как символ, смысловые разрешения которого трансфинитны, но замкнуты в строго очерченную сферу» (Виноградов, 1930: 67).
14. «Раздел 3: Толкование договоров. Статья 31. Общее правило толкования.
1. Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. 2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения: а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора; б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору. 3. Наряду с контекстом учитываются: а) любое

последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; с) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками. 4. Специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение. Статья 32. Дополнительные средства толкования. Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31: а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

15. Лев Выготский, рассматривая аналогичные произвольные толкования современных ему авторов, именно это приводил как эталон произвольности и абсурдности: «Так изо всего можно вывести решительно все» (Выготский, 1968). Однако заметим, что при всей его абсурдности оно имеет неопровержимое (мета-) лингвистическое обоснование; Передонов мог бы сослаться на Романа Якобсона относительно иконичности синтаксических категорий: «...Субъект действия, обозначенного предикатом, воспринимается, в терминах Эдуарда Сепира, как «исходный пункт», «производитель действия», в противовес «конечному пункту», «объекту действия». Подлежащее, единственный независимый член предложения, выделяет то, о чем говорится в сообщении. Каков бы ни был истинный ранг деятеля, он с необходимостью выдвигается в герои сообщения, как только берет на себя роль подлежащего. The subordinate obeys the principal – ‘Подчиненный повинуетсЯ главному’ (Якобсон, 1973: 108). Как видим, вывод Передонова о том, что *«жена во всем должна подчиняться мужу»* вытекает если не из лексики, то из синтаксиса Пушкинского стиха. Так что в самом деле: «... Изо всего можно вывести решительно все».

16. Это будет вытекать из возможной теории языка как коннотативной системы (что созвучно идеям Ю. М. Лотмана): «...Но стоит признать, что язык коннотативен, а не денотативен, и что его функция состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его когнитивной области, не обращая внимания на когнитивную область ориентирующего, как становится очевидным, что никакой передачи информации через язык не происходит. Выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается самим ориентируемым в результате независимой внутренней операции над собственным состоянием...Строго говоря, никакой передачи мысли между говорящим и его слушателем не происходит. Слушатель сам создает информацию, уменьшая неопределенность путем взаимодействий в собственной когнитивной области» (Матурана, 1995: 119).

17. Ср. у Борхеса: «Тексты Сервантеса и Менара словарно идентичны, но второй почти бесконечно более богат. (Более двусмыслен, сказали бы его недоб-

рожелатели; но двусмысленность – это богатство.) Сопоставлять Дон Кихота Менара с романом Сервантеса – значит делать для себя открытия. Последний, например, пишет («Дон Кихот», часть первая, глава девятая): «...Истина, мать коей – история, соперница времени, хранительница содеянного, свидетельница прошедшего, поучительница и советчица настоящего, провозвестница будущего». Составленное в семнадцатом столетии, составленное «непросвещенным гением» Сервантеса, это перечисление – лишь риторическая похвала истории. Менар же, напротив, пишет: «...Истина, мать коей – история, соперница времени, хранительница содеянного, свидетельница прошедшего, поучительница и советчица настоящего, провозвестница будущего». История – мать истины. Поразительный вывод. Менар, современник Уильяма Джеймса, определяет историю не как ключ к пониманию реальности, а только как ее истоки. Историческая правда для Менара – не то, что произошло, а то, что мы считаем происшедшим. Финальные дефиниции – «поучительница и советчица настоящего, провозвестница будущего» – откровенно прагматичны» (Борхес Х.Л.. Пьер Менар, автор «Дон-Кихота»).

18. Заметим: в самом романе подобное высказывание отсутствует, но как пропозиция она выражена как компонент концепт семантики имени «Петербург». Ср.: «...но Алексей Александрович восторжествовал, и его предложение было принято; были назначены три новые комиссии, и на другой день в известном петербургском кругу только и было речи, что об этом заседании»; «Петербургский высший круг, собственно, один; все знают друг друга, даже ездят друг к другу»; «Как только он приехал в Петербург, заговорили о нем как о вновь поднимающейся звезде первой величины»; «В то время как Степан Аркадьич приехал в Петербург для исполнения самой естественной, известной всем служащим, хотя и непонятной для неслужащих, нужнейшей обязанности, без которой нет возможности служить, — напомнить о себе в министерстве»; «Увидев Алексея Александровича с его петербургски-свежим лицом и строго самоуверенною фигурой...»; «Однако она помнила, что Анна, золовка, была жена одного из важнейших лиц в Петербурге и петербургская *grande dame*»; «Выйдя очень молодым блестящим офицером из школы, он сразу попал в колею богатых петербургских военных»; «Хотя он и ездил изредка в петербургский свет, все любовные интересы его были вне света»; «В Москве в первый раз он испытал, после роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближения со светскою милою и невинною девушкой». «Половина Москвы и Петербурга была родня и приятели Степана Аркадьича». «Вронский — это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской»; «А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянь» и т.п.. Во всех этих словоупотреблениях лексем «Петербург» и «Петербургский» наличествует семема «столичный», или, точнее, сконденсированная пропозиция («сгущенная дескрипция» – по Б. Расселу) «Петербург – столица Российской империи XIX века». Естественно, что при этом не актуальными окажутся сегодняшние коннотации типа «бандитский Петербург», «питерцы» и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкерсмит, А. (2003). *История и тропология: взлет и падение метафоры*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Виноградов, В.В. (1930). *О художественной прозе*. Москва – Ленинград: Госиздат.
- Выготский, Л.С. (1968). *Психология искусства*. Москва: Искусство.
- Золян, С.Т. Семантическая структура слова в поэтической речи. *Известия АН СССР, сер. литературы и языка*, т. 40 (6), 509–520.
- Золян, С.Т. (1982). О «самовозрастании» смысла в поэтическом тексте (149–151). В: *Finitis deodecim lustris. Сборник статей к 60-летию Ю. М. Лотмана*. Таллин: Изд-во «Ээсти раамат».
- Золян, С.Т. (1985). *О соотношении языкового и поэтического смыслов*. Ереван: Изд-во Ереванского университета.
- Золян, С.Т. (1991). *Семантика и структура поэтического текста*. Ереван: Изд-во Ереванского университета.
- Золян, С.Т. (2005). Семиотика и семантика исторического дискурса (65–73). В: Чернявская В.Е. (ред.). *Интерпретация. Понимание. Перевод*. Сборник научных статей. Санкт-Петербург: Изд. СПбГУЭФ.
- Золян, С.Т. (2010). Язык и политическая реальность: перечитывая Орвелла (21–31). В: *Язык, общество, коммуникация*, т. I. Ереван: Изд-во «Лингва».
- Крипке, С. (1981). Семантическое рассмотрение модальной логики. (27–40). В: Смирнов Г.А. (сост.) *Семантика модальных и интенциональных логик*. Москва: Прогресс.
- Кукарцева, М.А. (2006). Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы. *Вопросы философии*. 4, 44–55.
- Лотман, Ю.М. (1963). О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры. *Вопросы языкознания* № 3, 44–52.
- Лотман, Ю.М. (1967). Литературоведение должно стать наукой. *Вопросы литературы*. № 1, 90–100.
- Лотман, Ю.М. & Пятигорский, А.М. (1968). *Текст и функция*. (75–82). В: III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Тарту: Тартуский гос. университет.
- Лотман, Ю.М. (1981). Семиотика культуры и понятие текста. В: *Ученые записки Тартуского гос. университета*, вып. 515, (Труды по знаковым системам. т. 12.). 8–28.
- Лотман, Ю.М. (1982). От редакции: (О семиотическом подходе к проблеме межтекстовых отношений). В: *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 576. (Труды по знаковым системам. т. 15.), 3–9.

- Матурана, У. (1995). Биология познания (95–142). В: В.В.Петров (сост.) *Язык и интеллект*. Москва: Прогресс.
- Мандельштам, О. (1987). Выпад (44–46). В: О. Мандельштам. *Слово и культура. О поэзии*. Москва: Советский писатель.
- Рассел, Б. (1983). Дескрипции (41–34). В: *Новое в зарубежной лингвистике*, XIII.
- Серль, Д. Р. (1999). *Логический статус художественного дискурса*. Логос, 1999, N 3, 33–47.
- Толстой, Л. (1876). *Письмо к Н.Н. Страхову* (Ясная Поляна, 1876, апрель, 23 и 26). Л.Н.Толстой. Собр соч в 22 т.т. , т.18., 784–785.
- Уайт, У. (2002). Метаистория. *Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета.
- Фреге, Г. (1977). Смысл и денотат (181– 210). В: *Семиотика и информатика*, вып. 8, Москва: ВИНТИ.
- Якобсон, Р.(1983). В поисках сущности языка (102–117). В : Степанов Ю.С. (составитель) *Семиотика*, Москва: Прогресс.
- Cresswell, M.J.(1983). The highly impossible scene. The semantics of visual contradiction, (62–78). In: Bauerle R., Shwarze R. & Stechow A. (Eds). *Meaning, use and interpretation of language*. Berlin – N.Y.: W. de Gruyter.
- Dijk, T.A.van. (1977). *Text and Context*. London: Longman.
- Dijk, T.A.van & Kintsch W. (1978). Toward a Model of Text Comprehension and Production. *Psychological Review*, v. 85 (5), 363–394.
- Dijk, T. A.van. (2004). From Text Grammar to Critical Discourse Analysis. Universitat Pompeu Fabra, Barcelona.
- Lewis, D. (1978). Truth in Fiction. *American Philosophical Quarterly* 15 (1), 37–46.
- Jenkins, K. K. (Ed). (1997). *The Postmodern History Reader*. London- New York: Routledge.
- Roberts, G. (Ed.) (2001). *The History and Narrative Reader*. London- New York: Routledge.

TEXT AS A MULTISEMANTIC ENTITY

Abstract. When referring to the semantics of text, its substantial distinction from the semantics of other language units should be taken into consideration. Unlike an utterance, text does not have fixed pragmasemantics, i.e. its dependence to a certain communicative context. Herewith, text is liable to semantization assuming correlation with the other domains of reference (possible worlds). It presupposes the description of text as relations (functions or correlation mechanism) correlating a set of possible worlds with a set of possible contexts

where constituent utterances acquire the value of „truth“. Text thus acts as a peculiar analogy of the concept of a model and model structure in modal logic (S. Kripke); that is a procedure of correlating propositions and possible worlds within this or that model structure formed by the text itself, as well as within the correlation of contexts where the text is actualized. It is noteworthy that Leo Tolstoy approached the idea closely and expressed it through a fine metaphor: „endless labyrinth of linkages“. Text value is chiefly polysemantic, and the metaphor comes to elucidate that its semantics cannot be reduced to even very complex linear structure. It should instead be understood as an infinite set of possible interpretations - transworld relations.

Prof. Suren Zolyan, DSc

✉ Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law
Armenian Academy of Sciences
Head of the Scientific and Education Center,
The Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
2–5 Hin Yerevantsi, Yerevan, Armenia
Tel: + 37491404424
Email: surenzolyan@gmail.com